

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Первая корреспонденция

(Рассказ)

Содержание

1.....	0005
2.....	0007
3.....	0011
4.....	0017
5.....	0024
6.....	0029

**Мамин-Сибиряк Дмитрий
Наркисович
Первая корреспонденция**

Дело происходило двадцать пять лет назад в захолустнейшем уральском городке З., составляющем центр большого горнозаводского округа. Благодаря последнему обстоятельству, в нем жила пропасть служилого народа: управителей, смотрителей, надзирателей, бухгалтеров, письмоводителей, помощников их, наконец, просто писцов. Вся эта армия прилежно, как трудолюбивые пчелы, кормилась около жирного казенного пирога, получая жалованье, правда, очень мизерное, беря взятки — иногда очень крупные — а главное, систематически обкрадывая казну железом, углем, кожами, салом, маслом и т. п. В общем, этот правильно организованный грабеж, в котором все взаимно поддерживали друг друга, руководя неопытными и обеляя чересчур зарвавшихся, давал такие головокружительные цифры, что каменные дома с роскошной обстановкой росли как грибы. Вчерашняя, едва грамотная ничтожность мановением волшебного жезла превращалась в важную персону, перед которой кланялись и

заискивали, потому что персона эта сумела весьма ловко урвать заманчивый кусочек...

Жажда легкой и безнаказанной наживы насчет казенных миллионов была здесь злом историческим, сложившимся в течение целого столетия. Как всякая хроническая болезнь, оно не проявлялось особенно резкими симптомами: воровать привыкли все от мала до велика и воровали со спокойным сердцем и чистою душою, слыша об этом рассказы с колыбели и воспитываясь в жизнерадостных чувствах от созерцания грандиозных амбаров со всяким казенным добром, незаметно расходящимся по карманам хищной стаи.

Едва ли нужно говорить, что раскаты реформ, открывших новую эру для России, почти не доходили до З. Болото мирно спало крепчайшим умственным сном. Правда, кое-кто баловался литературою, выписывая "Сын отечества" или "Воскресный досуг", но это больше для потехи над карикатурами и послеобеденного чтения "ужасных романов".

И вот среди этого безмятежного царства разорвалась бомба...

В городе З. было училище, нечто среднее между общеобразовательной и технической школой. Это училище, единственное на весь горнозаводский округ, пространством в десятки тысяч квадратных верст, занималось специальной поставкой всей той своры письменного люда, который придумывал чертежи и планы фабрикам и машинам, вел таблицы рабочих, подводил дутые итоги в «двойной» бухгалтерии, писал рапорты и отношения и... устраивал свои делишки.

Заведывал училищем смотритель, гроза и ужас не только мальчуганов, но и родителей их, трепетавших при одной мысли навлечь на себя гнев жестокого и неумолимого педагога. Еще не так давно, всего за пять-шесть лет до начала нашего рассказа, единственной карательной мерой туземной педагогики считалась одна палка, которою с истинно артистическим искусством действовал властный и почти независимый Иван Иванович Благовещенский. Личность эта заслуживает того, чтобы сказать о ней два-три слова.

Не окончивши курса, кажется, в казанском университете, Иван Иванович был назначен смотрителем 3-го училища. Маленький, тощенький, белобрысенький и подслеповатый, в очках и с длинной шевелюрой, при встречах он производил самое незавидное впечатление бурсачка, за нерадение уволенного в архиерейский хор. Голосок у него был тоненький тенор, часто срывавшийся на визгливые ноты. Преподавал он русскую грамматику и географию. Классификация предметов в 3-ом училище была оригинальная. Например, вместо русского языка полагалась одна грамматика, которая проходила по сухому учебнику Иванова. В других науках какая-то самовластная рука, начертавшая программу училища, тоже начудила порядочно.

Иван Иванович почему-то считал себя знатоком грамматики, да кстати уж и географии. И все признавали его за великого доку в избранных им предметах.

Не успеет, бывало, Иван Иванович показаться на площади перед училищем, а в классах уже слышен полет мухи или поскребывание шальной мыши, забежавшей в храм нау-

ки. Проворный сторож, мрачный и с крепким запахом махорки, Игнат, моментально растворяет перед Иваном Ивановичем дверь и быстро снимает с него форменную горнозаводскую шинель. Фигурка зрителя на подпрыгивающих ножках показывается в старшем классе. Ученики вскакивают с мест, как один человек, и вытягиваются в струнку.

Иван Иванович, сверкая стеклами очков, с важностью направляется к кафедре, давая знак кивком головы, что можно садиться. Ученики тем же заученным движением опускаются на сиденья, и водворяется гробовая тишина.

— Тиунов, — пищит с кафедры педагог, — можешь ответить вчерашний урок?

— Могу-с, Иван Иваныч!

— Говори.

Начинается выслушивание урока. У двух он сходит благополучно, на третьем обрывается.

— Ах ты, мальчишка, — раздражается Иван Иванович, — опять не знаешь урока!..

— Я учил, Иван Иванович...

— Что ж мне до этого... На колени!..

За четверть часа до окончания класса Иван Иванович вызывает ликторов, великолепно знающих свое дело, — и мертвая тишина училища оглашается раздирающими воплями...

Жестокость в наказаниях Ивана Ивановича была феноменальная. Достаточно сказать, что его именем отцы пугали своих детей: вот как сведу тебя к Ивану Иванычу, так и будешь ты кузькину мать знать!..

В шестидесятых года Иван Иваныч куда-то исчез. Да и было пора сойти ему со сцены, потому что стало навевать чем-то другим, даже и в области уральской педагогики... Через несколько лет бывшие ученики его рассказывали, что встречали грозного смотрителя в самом ужасном виде: обтрепанного, грязного, пьяного, вымаливающего у прохожих пятак и гривенники. Sic transit!..

Как ни сухо было образование, даваемое земским училищем, как ни вяло и безжизненно велось в нем обучение, все-таки оно вносило некоторый свет, возбуждая в наиболее даровитых натурах бессознательные порывы к чему-то другому, лучшему, чистому и прекрасному. С удалением же Ивана Ивановича и всей его педагогической системы между учениками стали ходить по рукам и не учебные книжки. Неизвестно какими путями появились две книжки «современника» конца пятидесятих годов, разрозненные тома "Библиотеки для чтения", "Русского слова" и т. п. Само собою понятно, что молодежь читала в этих журналах повести и рассказы, но те рассказы, в каждой строчке которых сквозила насмешка над дореформенными людьми, их нравами, понятиями и складом жизни.

Мало-помалу "сеничкин яд" проник за крепкие каменные стены земского училища, эти стены, видевшие столько крепостного по-та и крови при своем сооружении и столько самого необузданного деспотизма и диких

вакханалий за долговременный период владычества пресловутого Ивана Ивановича. Пока ребята долбили свои «записки», переходившие без перемен от одного школьного поколения к другому, яд делал свое дело. И сделал...

Несколько юношей, окончивших курс земского училища, увлеченные жаждой знания, решили продолжать самообразование и по выходе из школы. С этой целью они составили тесный дружеский кружок, названный ими «компанией». Кружок собирался ежедневно, по вечерам, у одного из товарищей, имевшего в доме отца отдельную комнату.

Все члены кружка получили клички. Главный предводитель и коновод, девятнадцатилетний юноша с легкими признаками растительности на лице, назывался Линкольн, по имени знаменитого президента Америки, слава которого гремела тогда по всему свету и вызывала восторженное поклонение этой благородной личности. Другой член кружка назывался Учитель, потому что состоял репетитором местной немецкой школы, устроенной колонией немецких мастеров, выписан-

ных в начале столетия для организации выделки оружия на Урале. Линкольн и Учитель были ядром компании, в которую впоследствии вступили Мистер, Менш, Маленький Рахметов и др.

— Слушай, Учитель, — говорит однажды Линкольн, сидя у своего приятеля темным осенним вечером. — Значит, мы будем заниматься химией, физикой, ботаникой, вообще науками — и только?

— Пока только, я думаю.

— До которых же пор будет это «пока»?

— Не знаю, должно быть, пока учимся...

— Ну, а других мы так и оставим в покое?

— Кого других?

— Окружающих... граждан города З.

— Я тебя не понимаю.

— Очень просто, — продолжал Линкольн, закуривая "пушку", — по-моему, если мы волнуемся вот за этими книжками, читаем и перечитываем их, то надо заставить поволноваться и наш богоспасаемый град 1...

— Понимаю! Ты хочешь написать что-нибудь в газету, — радостно воскликнул Учитель.

— Именно. И даже не только хочу, а сейчас же вместе с тобой и приступить к составлению корреспонденции.

— Браво, великолепно!

На столе появились письменные принадлежности, и Учитель своим превосходным каллиграфическим почерком начертал на бумаге название родного города, откуда должна пойти эта "первая корреспонденция".

— Что же теперь?.. Писать, так уж что-нибудь позабористее.

— Дай подумать, — отвечал Линкольн, пощипывая над верхней губой молодую поросль.

Минут десять прошло в полном молчании. Слышно было только, как за стеной возились, укладываясь на ночлег, ребяташки, да кто-то из запоздавших прохожих грузно шлепал по улице по тонкой грязи, наполнявшей весь 3. обширным морем. В единственное, ничем не завешенное окно глядел удручающий мрак почти уже наступившей осенней ночи, надвигающейся свинцовой пеленой над городом, лишенным фонарей, мостовых и тротуаров...

— Видишь, братец ты мой, — начал Линкольн, — ведь если бы мы не сидели здесь с тобой, то непременно скучали бы дома или ложились спать.

— Правда, — отозвался Учитель.

— Ну вот об этом и писать надо, потому что все теперь у нас или скучают, так, что хоть вешайся с тоски, или видят уже третий сон...

— Начнем так, — подхватил Учитель, — наш богоспасаемый город лежит от центров России за тысячи верст...

— Пожалуй... а что же потом?

— Придумывай еще ты... Можно добавить: окружен он высокими, почти неприступными горами и непроходимыми лесными дебрями...

— Хорошо, очень хорошо, Учитель, — подбадривал приятеля Линкольн. — А теперь пиши: в жаркую летнюю пору, когда дорожная грязь превращается в пыль, сюда еще можно, с грехом пополам, проехать; но чуть только начались дожди и вязкая горная глина размокла, тогда — прощай! к нам ни волк не пробежит, ни человек не пройдет.

Так из фраз, диктуемых то Линкольном, то Учителем, была начерно набросана корреспонденция. На другой день она была переделана и исправлена, на третий подвергнута тщательной критике, на четвертый старательно Учителем переписана и на пятый опущена в почтовый ящик. Все эти дни авторы были в большой оживаии. Предприятие, задуманное горячими юношескими головами, казалось им чем-то необыкновенно грандиозным, весьма важным по своим результатам. При этом же возможность видеть первое свое произведение в печати есть уже победа над целым миром. Впрочем, из благоразумной предосторожности они ограничились тем, что подписались под корреспонденцией тремя буквами: М.З.Б.

Задорная статейка, бившая в нос ядовитыми словечками, в сущности же говорившая о неблагоприятных географических условиях З., разобщавших его с миром, и об отсутствии умственной жизни в городе, была нарочно отправлена в наиболее распространенный между местным чиновничеством орган "Сын Отечества".

Два часа дня. Весь служилый чиновный люд города З. спокойно предается мирному послеобеденному отдыху. Кое-кто успел уже вздремнуть. Выписывающие же «Сынок» или «Досуг» ждут почтальона Васюхина, который исполняет свою должность в З. лет пятнадцать и знает всех адресатов по имени-отчеству. Сегодня суббота, и потому почта должна быть с газетами и журналами.

Прохор Иванович Чистоперов, контролер горнозаводского управления, губернский секретарь и кавалер двух медалей, одной за Крымскую войну и другой — "За усердие", облеченный в бухарский халат, заменявший ему дома форменный вицмундир, в ожидании появления перед окнами Васюхина сидел и перелистывал том прошлогоднего «Сынка» с карикатурами, который у него аккуратно подшивался и поступал в «библиотеку».

Прохор Иванович был политик высшей школы. Он внимательно следил за "бестией Наполеонишкой", за "подлой Австрией", нотами любимого им князя Горчакова и польским

вопросом.

— Ну как, Прохор Иваныч, наши дела? — спросят его любители политики, не так усердно читающие газеты.

— Наполеонишка все гадит, — отвечает Прохор Иваныч и затем начинает подробную лекцию о том, в чем и кому «гадит» французский цезарь.

Внутренней жизнью и вопросами, назревшими в России, Прохор Иваныч не интересовался, как не интересовались этим и остальные читатели «Сынка» и «Досуга».

— Мальчишки-то у нас шумят... — так презрительно отзывался Прохор Иваныч о целом литературном движении шестидесятых годов. Воспитанному в суровой муштре николаевских времен, привыкшему к деспотическому строю, в котором на каждой ступеньке стояло свое начальство, выражавшее свои мнения в «проектах» и «записках», Прохору Иванычу казалось великим нарушением субординации, что какие-то, нигде не служившие и безчиновные «мальчишки», литераторы, осмеливаются свысока трактовать о правительственных делах и разных мероприятиях.

— Оттого и студенты бунтуют, — пояснял доморощенный Кифа Мокеевич свою мысль о незаконном вмешательстве «мальчишек» в государственные дела, ссылаясь на пример известных петербургских студенческих историй.

Прохору Иванычу и во сне, конечно, не приснилось, что многоголовая гидра поколения «мальчишек» захватила в свои объятия уже всю Россию и даже его родной град З., в чем ему предстояло убедиться не далее как сегодня, через несколько минут.

Наконец давно ожидаемый Васюхин, несколько изогнувшийся вперед и вбок под тяжестью своей почтальонской сумки, промелькнул мимо окна и вручил Прохору Иванычу три номера «Сынка». Наш политик протер стекла очков, поплотнее уселся в кресло, сорвал бандероль газеты, развернул номер, крикнул и углубился в чтение политических махинаций. Обозревши поверхностно остальное содержание номера, Прохор Иваныч приступил к чтению следующего по порядку. Но тут, развертывая газету, ему вдруг кинулось название З., напечатанное жирным шрифтом

в середине листа.

Несмотря на привычку дипломата скрывать свои чувства, Прохор Иванович даже подпрыгнул в кресле. Потом он поспешно сдернул очки, лихорадочно протер их, надел и, трепеща от смешанного чувства какого-то негодования, страха и нетерпения, начал читать первую корреспонденцию ненавистных «мальчишек», дерзнувших неблагоприятно отозваться о городе З.

Первый момент после прочтения ее Прохор Иванович оставался в кресле растерянный и пораженный. Затем он быстро вскочил и закричал:

— Мать, Саша! Подите сюда!

— Что случилось? — спросила супруга Прохора Ивановича, почтенная матрона, появляясь в дверях комнаты.

За нею подошел также и старший сын, Александр, привлеченный громким зовом отца.

— Что случилось?.. Скверно!.. Описали наш город...

— Ну, так что же, пусть описывают.

— Видно, что ты ничего не понимаешь. Не

просто описали, а разругали...

— Стало быть, теперь решение пришлют?.. Кто же это описал?

Тут Прохор Иваныч спохватился, что он на самое главное, на подпись-то, и не обратил внимания. Но взгляд, брошенный на корреспонденцию, поверг его в отчаянье.

— А черт его знает, кто описал! Стоят три буквы и только... Который теперь час? — заторопился он. — А, скоро четыре, пора на службу идти... Самовар надо поскорее...

— Какая нынче служба: ведь суббота, — возразила супруга, зная порядки.

— Ах, да, я и забыл! Но все равно вели ставить самовар... Надо будет сходить к Максиму Павловичу.

— Его, наверное, нет дома, папа, — вмешался сын, — он теперь на докладе...

— Ну тогда к Александру Павлычу... Нужно обсудить. Может быть, он отвезет к Дави. Предмет важный!..

— Да что ты спешишь-то? Тебя, что ли, там обругали? Прочти хоть нам толком.

Прохор Иваныч поправил очки и медленно, с паузами и подчеркиваниями наиболее

коварных мест корреспонденции, прочитал ее немногочисленным слушателям.

— Какая же там ругань? — возразила супруга. — спят, едят... И верно! Слава тебе, Господи, есть что покушать, есть время и выспаться... Это все правда, а больше я ничего не поняла.

— То-то, ты не поняла! А "никаких других интересов нет" — это как?

— Да ты мне скажи: ревизор приедет из-за этого или нет?

— Разве я знаю? Может быть, и приедет... Смотря по тому, как в других городах. Непременно надо с Александром Палычем обсудить. Я думаю, он скажет Дави...

Дави, о котором дважды упомянул Прохор Иваныч, был начальник того управления, в котором он служил контролером. Дави вполне оправдывал свою кличку: давил он нещадно всех и вся. Давил он чиновников, давил простых рабочих, штрафуя их без всякого сожаления и милости. При этом Дави отлично знал все тайны хитроумной двойной горнозаводской бухгалтерии и пользовался ими так ловко, что ко времени перехода начальником

какого-то другого округа владел, говорят, капитальцем тысчонок в триста...

Чай показался Прохору Иванычу невкусным. Проклятая корреспонденция с тремя загадочными внизу буквами испортила обыкновенно благодушное праздничное настроение духа Прохора Иваныча. Проглотив наскоро три чашки, он одним духом вздел на себя сюртук и, накинувши сверху шинель, пошел к сослуживцу, коллежскому секретарю и кавалеру, Александру Павлычу Фаресову.

Фаресов жил совсем близко от Прохора Иваныча и был дома. «Сынка» он еще не получил, и новость, сообщенная ему взволнованным гостем, поразила его очень сильно.

— Надо послать за братом. Потом не мешает за Иваном Семеновичем...

— Пошлите, пошлите. Обсудим, как поступить.

Посланный полетел с торопливо набросанными на клочках бумаги записками, и через четверть часа в доме Фаресова происходило заседание пяти провинциальных мудрецов, растревожившихся новизною корреспонденции из родного болота.

За отсутствием каких бы то ни было развлечений и удовольствий в городе З., мрачные и унылые канцелярии горнозаводского правления по праздникам превращались в оживленные клубы, где служащие всех рангов и положений собирались в кучки, откуда слышались шутки, смех, анекдоты и рассказы. Всякое, даже незначительное происшествие в З. сейчас же передавалось из уст в уста в этих импровизированных клубах и затем разносилось по городу с приличными комментариями.

На другой день после получения известной нам корреспонденции правленские клубы гудели пчелиным роем. Вокруг Прохора Иваныча, Максима Павлыча и Ивана Семеныча, также раздобывшихся номерами «Сынка», собирались тесные группы жаждущих послушать "публичную насмешку" над З., как окрестили корреспонденцию на вчерашнем заседании у Фаресова.

— Кто писал? — спрашивали все.

— Неизвестно... Видите буквы? Чья фами-

лия начинается с них?

— Да это едва ли кто-то из наших? Кто у вас будет писать в газеты? Переписывают бумаги — и то со страхом.

— А что если сделать запрос? — предложил кто-то.

— Да, вот так и ответили! Еще насмеются печатно...

— Ведь какая злость! Пишет: "спасть, есть и только"

— Это прямо донос начальству: ты, мол, чего смотришь?

— Нет, объясните, ради Бога, что это такое: "полное отсутствие инициативы"?

— Инициатива, значит — почин, — объяснил Прохор Иваныч, справившийся о коварном словце из словаря Михельсона "Семь тысяч иностранных слов".

— Какой же у нас может быть почин?

— Видишь, требуют, чтоб был...

— Черт его знает, что за экивоки!

— Знаете, господа, — заявил кто-то, — это написал штабс-капитан Быдарин, а зовут его Михаил Зотыч.

— Откуда ты узнал?

— Назад тому два месяца он проезжал через наш 3. и останавливался на почтовой станции.

— Кто же его видел?

— Я видел, только не говорил... По-моему, это непременно он, потому что на станции расспрашивал у смотрителя, чем занимаются жители, какое получают жалованье и проч.

— Да откуда вы все это пронюхали?

— А я рядом со станцией живу, ну, смотритель и сказывал: такой, говорит, любопытный, а в подорожной книге расписался Бытариным.

Верховный синедрион, решивший вчера исследовать происхождение корреспонденции, отправил к смотрителю посланного, удостовериться в справедливости полученных сведений о некоем Быдарине. К сожалению, оказалось, что проезжий штабс-капитан записан Николаем Петровичем и сходства в его имени с инициалами статьи нет ни малейшего.

— Ну, что? Да и зачем какой-то проезжий будет писать о 3.? Очень ему нужно!

Вообще, из массы предположений, из коих

одно другого были несостоятельнее и смешотворнее, не остановились ни на чем, и автор корреспонденции был по-прежнему загадочное incognito. Но раз автор не открыт, следовательно, можно было ожидать появления новых "публичных насмешек", которые, пожалуй, чего доброго, дойдут и до разоблачений разных темных делишек по поводу кормления "казенного воробья".

— Ну, как Дави отнесся? — встретили вопросом входящего Прохора Павлыча, только что прибывшего от начальника.

— Представьте, прочитал и говорит: теперь везде едят, из всех городов...

— Скажите!..

— Да. Впрочем, я заметил, что ему было неприятно, как будто не по себе.

Присутствующие многозначительно переглянулись. Престиж корреспонденции возрастал. Открывалось обширнейшее поле для каких угодно предложений и комбинаций.

Стали расходиться по домам. Чиноперов, Фаресов и еще человека четыре составили отдельную группу, в которой всю дорогу передавались шепотом какие-то известия чрезвычай-

чайно неприятного свойства, ибо физиономии слушателей мрачнели и вытягивались.

В этом достопамятный в жизни З. день обед у многих граждан был совершенно испорчен...

Линкольн и Учитель находились наверху блаженства. Брошенная ими петарда не только наделала переполоху, но и вызвала настоящую умственную революцию. Удовольствие быть автором какой-нибудь печатной строчки вызвало целую толпу охотников, которые сочувствовали корреспонденции и, не подозревая в Линкольне с Учителем первых пионеров этого дела, советовались с ними тайком, какую тему избрать для дерзновенных статей в тот же самый «Сынок».

— Ведь я чего больше боюсь: ну, как редактор прямо пропечатает, что, мол, корреспонденция такая-то не годится... Да полной фамилией брякнет! А? А ведь я служу... Прямо прогонят тогда, скажут — и первый раз ты писал.

— Этого газета никогда не сделает, — успокаивали наши герои неопытных писателей. — Пишите смело, о чем хотите.

Корреспонденции в «Сынок» и в самом деле посыпались как горох. Сначала их читали с прежним интересом, потом этот интерес ослабел, так как подражатели не шли дальше

той же избитой темы о городской скуке и т. д.

Впрочем, Линкольн и Учитель более не писали, потому что компания их разрослась и сделалась маленькой аудиторией, где желающие черпали сведения из химии, физики и т. п. На общие скудные средства они выписывали «толстый» журнал и газету и по очереди приобретали книги, признанные полезными для развития и самообразования.

Дошло до того, что сам Прохор Иванович участвовал однажды на каком-то интересном химическом опыте в «компании» и остался очень доволен как опытом, так и разговорами, которые довелось ему слышать среди «мальчишек» на закате дней его. Неприятно было ему одно обстоятельство, что словарь "семи тысяч" оказался при этом недостаточным, потому что ухо его резали такие слова, как эквивалент, функция, трансцендентальный и проч.

По зрелом обсуждении дома и не желая отставать от века, Прохор Иванович раскошелся на новый расход и выписал словарь на "тридцать тысяч слов". Но это произошло уже значительно позднее описанного происше-

ствия с первой корреспонденцией, когда в 3. стали появляться новые люди, когда в нем завелось общественное собрание, когда в собрании начали устраиваться литературные вечера и в разговорах слышались новые песни...